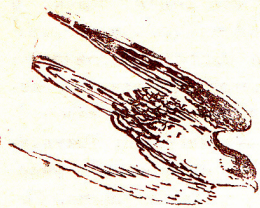

В. ПЕСКОВ

ПТИЦЫ НА ПРОВОДАХ

ДРЕВНЕЙШАЯ ИЗ УТЕХ

Берлинские охотники пригласили меня посмотреть ловчих птиц. Смотрины состоялись в лесу. На обширной поляне по всем правилам ритуала десять охотников протрубили подходящую к случаю музыку, потом они разошлись в стороны, и я увидел троих парней в егерских шляпах с перьями, в охотничьих куртках с затейливо сшитыми сумками через плечо. На левой руке, облаченной у каждого в рукавицу из толстой кожи, сидело по соколу. Птицы сидели смирно. Голову каждой (прикрывая глаза) украшал похожий на царственную корону кожаный колпачок. К запястью лапы у птиц был приторочен бубенчик и тонкие ремешки.

Когда со всех сторон я заснял живописную группу, крайний сокольник вынул из сумки убитую утку, снял с головы сокола колпачок и высоко, чуть в сторону, кинул приманку. Моей расторопности не хватило, чтобы с первого раза заснять момент, быстрый, как молния, — сокол сорвался с руки, настиг летевшую камнем утку, ударив, сумел ухватить ее в когти и, снижаясь, полетел в чащу. По звуку бубенчика мы прикинули направление и, задыхаясь от быстрого бега, через пару минут увидели сокола. Он сидел, вцепившись в добычу. Земля вокруг была усыпана пухом и перьями. Подбежавший охотник присел, протянул руку в перчатке — и, странное дело, птица слетела (нехотя, правда) с добычи на руку, получив в награду за это кусочек припасенного в сумке мяса.

Пустили второго сокола, третьего, пустили еще раз первого — все было очень похоже: мгновенный бросок за добычей, полет с ней в укромное место...

Примерно так же проходит охота. Охотник (иногда идет он с собакой) пугает дичь. И как только дичь окажется себя, снимает с головы сокола колпачок, а тот, увидев летящую (или бегущую) жертву, знает, что надо делать...

В этой охоте, однако, главное не добыча, хотя она может быть и большой (один из показанных мне соколов имеет уже на счету две сотни диких кроликов, пятнадцать зайцев, семнадцать фазанов). Главное в этой охоте — редкое зрелище, естественное для природы. На Мещере я видел однажды, как сокол сапсан, пикируя сверху, ударил цаплю. Долго кружились, падали в воду серые перья, а позже я нашел на опушке скелет и два крыла птицы. Друзья в заповеднике сказали, что мне повезло — из них не каждый видел, как нападает сокол.

Охота же ловчими птицами (соколом, ястребом и орлом) дает это зрелище постоянно. Прелесть охоты состоит еще в том, что гусь, утка, фазан, заяц, лисица, дрофа, джейран или волк вовсе не обреченные жертвы. Они всегда имеют шансы спастись. Быстрота полета ловчих птиц поразительна, реакция мгновенна (известен случай — было это в Югославии: орел успел схватить и унести в горы взлетевший над стадионом футбольный мяч). Но даже и столь способный охотник может оплошать, промахнуться, если жертва окажется сильной, «смекалистой» — природа дала ведь ей средство защиты на этот случай. Таким образом, человек, искусственно создавая обычные для природы драматические ситуации, имеет возможность увидеть борение ловкости, силы, быстроты и находчивости. Он может наблюдать то, что природа обычно прячет от наших глаз. И не случайно охота с ловчими птицами — древнейшая из охот.

Считают, в Европу она пришла через южные русские степи из Азии. И много столетий была едва ли не главным развлечением знати в

Германии, Голландии, Франции, Англии, Венгрии, Польше. Охота с ловчими птицами на лебедей, журавлей, уток, цапель и коршунов ценилась больше других охот (а в то время в Европе водились еще медведи, зубры, туры и волки). И потому за хорошую ловчую птицу (из соколов чаще всего за кречета) платили огромные деньги.

В средние века кречеты сделались важной ставкой в дипломатических отношениях. Нередко, заключая мир, какой-либо князь, государь или хан в одном из пунктов высокого соглашения требовал: «И прислать десять хороших кречетов». После неудачной битвы с турками при Никополе (1396 год) французский король Карл VI выкупил двух своих маршалов, де Бусико и де ла Тремойя, за несколько кречетов. А герцог Бургундский добился освобождения сына у тех же турок за дюжину ловчих птиц.

Государь, получивший от другого в подарок кречета, считал, что он получил истинно царский дар, сравниться с которым не могли ни золото, ни меха, ни самоцветные камни. Иван Грозный, желая поладить с Англией, посыпал в подарок королеве Елизавете русских кречетов (которые очень ценились в Европе), но отказал в этой же милости Стефану Баторию, написав: «Были прежде у меня кречеты добрые, да поизвелись».

В России сокол всегда был птицей высокочтимой. Не случайно девушки всех времен говорили возлюбленным: «Сокол ты мой», не случайно соколом называют хорошего летчика. Уже на гербе Рюриковичей родовой эмблемой был сокол. Что касается соколиных охот, то о них летопись впервые упоминает в IX веке: «Олег в Киеве завел соколиный двор». Ярослав Мудрый учредил уже государственную соколиную службу, с большим числом мастеров этого дела. Но расцвет соколиной охоты в России был в XVII веке, при царе Алексее Михайловиче, «страстно любившем охоту и понимавшем толк в этой забаве».

Сокольники были людьми, приближенными ко двору, среди них были любимцы царя, они пользовались почетом и множеством привиле-

гий. Во главе дела был старший сокольник — лицо, стоявшее в одном ряду с окружавшей государя знатью. Любопытно, что последним таким сокольником в России был предок Пушкина — Гаврила Григорьевич Пушкин.

Сокольники имели свою слободу под Москвой (и до сих пор зеленый угол столицы хранит прелестное название той поры — Сокольники), а сами охоты проходили в обильных дичью местах, ставших теперь уже частью Москвы: Кузьминках, Коломенском, Кунцеве, Измайлове...

Как добывали птиц для ловчей охоты и почему были они столь дороги? Дело в том, что хищные птицы вообще не очень многочисленны, к тому же лучшие из соколов — кречеты — водятся в северных землях. Специальные люди ловили их в Исландии, Скандинавии, в России — «за Двиной и Печорой». Промысел этот можно сравнить с добычей драгоценных металлов. Но если намытое золото в дальнейшем нуждается только в охране, то «живой товар» нуждался в «тщательном бережении». Всем людям, имевшим отношение к соколам, строжайше запрещалось пить, курить, играть в азартные игры, «дабы государевым птицам от пьяных или нечистых людей дурного не учинилось». Ловцы кречетов («помытчики») доставляли птиц с севера в Холмогоры, а потом уже санным путем, медленно, в специальных, обшитых войлоком, коробах доставляли в Москву. Деньги на прокорм птиц и людей должны были давать по пути следования местные власти. А нарочные гонцы, опережая обоз, спешили к царю доложить о здоровье птиц. Всего за год в Москву доставлялась сотня или немногим более кречетов. И это считалось хорошей добычей.

С появлением дробового ружья интерес к ловчим охотам в Европе резко упал. В России энтузиасты-любители в прошлом веке еще охотились с кречетом. Одним из охотников был писатель Аксаков.

Сегодня мы наблюдаем любопытное возрождение соколиной охоты. Ружье дало слишком большие преимущества человеку перед дикой природой. И люди теперь сознательно

усложняют процесс охоты, стараясь оставить для дичи как можно больше шансов спастись.

В последние годы охота с ловчими птицами распространилась во Франции, ФРГ, Англии, Соединенных Штатах, Австрии, в ГДР (сто пятьдесят соколов) и особенно в Венгрии, где культура охоты особенно велика. У нас с ловчими птицами (главным образом с орлами) охотятся в Закавказье и Средней Азии.

Охота с птицей, конечно, много сложнее и хлопотливее, чем с ружьем. Во-первых, сокола надо поймать. Его берут из гнезда, когда он уже хорошо оперился, или ловят совсем молодым на приманку сетями. Дальше идет процесс воспитания. Сокола надо приучить к человеку. Есть много способов это сделать. На старых соколиных дворах были, например, помещения, заполненные водой, где соколу негде сесть. Полетав, он волей-неволей садился на плечо человеку и тут же получал мясо. Голод и пища с руки постепенно приучают птицу к охотнику. Этот процесс называют «держание».

Потом сокола (или орла) приучают к охоте, отпуская его для начала на поводке. На этой поре предметом охоты служит чучело дичи или подобие чучела — «вабило». И весь процесс называется «вабление». Тут важно научить птицу стремительно нападать и возвращаться к охотнику. Потом наступает «притравливание» — охота на полуживую добычу. Птица уже свободно летает и, овладев дичью, все-таки по привычке садится на перчатку охотника.

И все, теперь птица готова к ловле. Она исправно будет служить человеку. Но это не служба собаки, которая преданно принесет и положит добычу у ног охотника. Птица охотится «для себя». А человек, наслаждаясь охотой, забирает добычу у своего друга, голодом понуждая его снова и снова преследовать дичь.

Приручение птиц и сама охота, как видим, хлопотливы и не очень просты. Однако процесс приручения соколов столь интересен и охота так поэтична, что нашлось бы немало любителей древнего спорта. Но есть в этом деле загвоздка. Где добыть птицу? При боль-

шом увлечении ловчей охотой есть опасность вконец истребить соколов. Поэтому во всех странах введен строгий регламент отлова птиц (а также изъятия их из гнезд).

Такова история одной из древнейших охот на земле.

СТАРИК И ПТИЦА

Старик Абляким трусит на мохнатой серой лошади по равнине, постепенно переходящей в горы. На правой руке Аблякима сидит орел. Большая птица спокойна — на глазах у нее черный кожаный колпачок. Спокоен и Абляким. Ему восемьдесят четыре. И все, что сильно могло волновать человека, уже позади. И все-таки огонек прежней страсти блестит в глазах старика. Волчья шуба с воротником из барса, лисья шапка, добротные мягкие сапоги и большая перчатка из прочной кожи служат охотнику Аблякиму уже давно, и справлен этот богатый наряд из трофеев, добытых в здешних местах.

Едет старик без дороги, по бурой жесткой траве, торчащей из снега. Глаза слезятся. И все-таки Абляким вовремя замечает в рыжих травах рыжую тень лисы. И вот она, вспышка молодых сил, — орел на руке приподнят, кожаный колпачок с головы его сдернут. С криком «Ка!» старик толкает орла с руки, и все дальнейшее происходит в считанные мгновения. Орел взмывает вверх, делает полукруг и сейчас же, заметив лису, несется к ней сверху по крутой невидимой горке, потом он тенью скользит у самой земли и,

выбросив вперед лапы, хватает добычу. В бинокль хорошо видно: хватает за морду и за крестец. Вот орел оглянулся, как будто сообщает: что же делать теперь с добычей? Но уже молодецкой рысцой спешит на серой кобыле к орлу Абляким. Вот он оставил седло, наклонился, поманил чем-то орла, протянул руку в огромной, до локтя, перчатке, и происходит то, чему трудно поверить: орел оставляет еще живую добычу, принимая из рук человека поданку — кусочек бескровного, заранее припасенного мяса.

Абляким забирает лису, садится в седло. И опять едет по рыжим травам — иногда в день такая охота приносит две-три лисы.

Вечером мы сидим с Аблякимом за низким столом посреди дома. Сидим на ковре, поджав ноги, и пьем чай с духовитой румяной лепешкой. Абляким говорит об орлах, о давних охотах, когда ружей не знали и охотились только с орлом. Охотились на джейранов, на зайцев, лисиц, даже и на волков.

Абляким охотится с юности и пережил девять орлов. Жизнь у птицы некоротка — один орел служил Аблякиму тридцать три года. Но орлы, случается, разбиваются на охоте — на большой скорости падая на добычу, орел промахивается, ударяется грудью о землю и уже не может взлететь.

С одним из орлов охотник простился, когда уходил на войну. Получая из дома письма, казах Абляким Сантанкулов среди всего прочего обязательно находил в письме строчки и об орле: как себя чувствует, чем его кормят и что ждет, мол, хозяина. Это были приятные вести для Аблякима. «Я ложился на спину, закрывал глаза и видел в небе любимую птицу-друга».

Мир тесен. Абляким воевал под Воронежем. С удивлением слушаю произносимые на казахский лад названия сел: Рамонь, Чертовицкое. Это мои родные места. Я говорю Аблякиму об этом, и он, отвыкший уже волноваться, вдруг ставит на стол пиалу и с любопытством, как будто мы встречались тогда в лесах под Воронежем, смотрит на гостя.

Охотник-казах был на войне снайпером. От Воронежа по степям через Харьков и Белгород он прошел до Полтавы и там был ранен.

В ауле Аксай говорят, что ата Абляким убил на войне более сотни фашистов. Однако сам старик ответил, что не считал — «стрелял, и все». Но счет какой-то все-таки на войне велся. Сын Аблякима, спросив разрешения у отца, приносит в комнату шелковый узелок, кладет из него на ладонь старику два ордена Славы. Молча Абляким наблюдает, как все стоящие у стола почтительно разглядывают чуть потускневшие серебристые звезды, потом кладет награды в лоскут, еще раз сказав: «Не считал...»

Зато убитых волков Абляким хорошо помнит. Их было сто восемнадцать. Одни попали в капкан, другие — под выстрел, но особо гордится охотник добычей, взятой с орлом. Хороший, сильный орел может остановить волка. Такие орлы всегда и были у Аблякима. «За хорошую птицу в давнее время давали сотню баранов, коня или невесту».

Вернувшись с войны, Абляким охотой с орлом кормил весь аул. «Ловил джейранов, лис ловил, не считая». Старик уверен: охота с орлом прибавила ему жизни. В свои восемьдесят четыре года он легко садится на лошадь и может с утра до ночи пробывать в седле. Шкуры лисиц, висающие на дощатом сарае, — свидетельство: и глаза старика еще не утратили зоркости. А орел по-прежнему чувствует в нем повелителя.

Я спрашиваю: как приучают орлов? Почему здоровая сильная птица, взлетев с руки, на нее же и возвращается? Что мешает ей улететь? И много ли надо сил, чтобы вольное существо стало служить человеку?

— Орлов всегда заставляли служить, — говорит Абляким. — Были орлы у отца и у деда. И никто не знает, когда это все началось.

Сначала птицу надо поймать. Это нетрудное дело. Сеть с голубем, зайцем или кекликом для приманки сделает свое дело, надо лишь вовремя выскочить из засады и быстро связать орла.

ное существо занимает всего лишь три-четыре недели. Но какие они для орла! Птице сразу же надевают на голову кожаный колпачок, и мир для нее исчезает. Но это еще полбеды. Главное в том, что орла, привыкшего ощущать под лапой скалу, сажают на зыбкий аркан, натянутый в юрте или сарае. Не упасть! Все силы у птицы уходят на это.

Представьте канатоходца, которому завязали глаза и обрекли день и ночь стоять на канате, да к тому же канат время от времени дергают. Именно так поступают с орлом. Кто бы ни проходил мимо, обязательно тронет аркан, и орел, нахохлившись, распутив крылья, снова и снова с трудом добивается равновесия. Ни часу покоя! Ночью проходит кто-либо мимо орла — обязательно дернет аркан. Сам охотник специально встанет под утро встряхнуть задремавшую птицу.

Но эта пытка имеет и перерывы. Время от времени охотник подходит к растерявшей весь свой характер, обессиленной птице, ласково гладит ее по перьям, снимает с головы колпачок, чтобы птица увидела избавителя от страданий, и дает ей кусочек вымоченного мяса — подставляет руку в прочной большой перчатке, и голодный орел, потянувшись за пищей, садится на руку. Но снова надет на голову колпачок. Опять темнота и зыбкий аркан. А потом вновь лицо и рука «избавителя». И так три-четыре недели. И вот уже нет для орла ничего милее лица хозяина и перчатки, сядя на которую обретаешь покой и получаешь еду. Все, орел готов служить человеку!

Былую страсть орла-охотника будоражат сначала лисьим хвостом — тянут его на бечевке за скачущим всадником. Награда — опять же кусочек мяса.

И потом приходит черед охот настоящих. Вольная воля открывается птице каждый раз на охоте. Слетел с руки — и в небо! В любую сторону улетай — не догонят и не поймают. Нет! Взлетев, орел устремляется на добычу. Но покорно ее отдает, как только хозяин покажет заваленный жалкий кусочек мяса.

жет улететь, но я позову, и он возвращается, — говорит Абляким. — На охоте орел — слуга человеку. А дома, наоборот, я служу этой птице. В нужное время кормлю, в порядке держу помещение, проводываю на день несколько раз, перед охотой чаем пою, ласкаю. А охота — праздник для нас обоих. Беда не в неволе орла. Грустно — орлов становится меньше и меньше. Нас с этой птицей в музее можно уже показывать.

1979 г.

ДРУЗЬЯ ИЗ БЕРЛОГИ

Это было в середине лета. После ходьбы по лесу мы присели передохнуть, и вдруг на поляну к нашему костру выкатились два медведя-подростка. От неожиданности медведи поднялись на задние лапы и, приняв нас, с полминуты нас изучали. Мы испугались: по всем законам на сцене вот-вот должна была появиться медведица. Но вышел из леса человек с палочкой, и обстановка сразу же разрядилась.

— Вы что же, им вроде матери?

— Точнее сказать — опекун...

Увидев рядом с собой покровителя, медведи сразу же успокоились: начали вприпрыжку скакать по поляне, мигом распотрошили под сосной муравейник, а потом, испугавшись чего-то, вернулись к ногам человека и стали тереться носами о сапоги.